

© 2019 г.

А.В. ЯКОВЕНКО

СОЦИОЛОГ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ДОНБАССЕ

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Луганский национальный университет им. В. Даля, Луганск (daoav@rambler.ru).

Аннотация. Высокая общественная и политическая востребованность результатов социологических исследований, осуществляющихся непосредственно в зонах вооруженного противоборства, обуславливает актуальность темы. До сих пор не сложилась единая позиция в вопросе о том, каким образом предметно квалифицировать работу социологов в столь сложных условиях. Многолетнее военное противостояние на Донбассе рассматривается и в качестве типичного примера проблемности осуществления профессиональной исследовательской деятельности в конфликтных зонах на постсоветском пространстве, и с учетом его специфических черт, включая демографическую и территориальную обширность зоны боевых действий, а также наличия массового «пенсионного туризма». Характеризуются сложности подготовки и проведения эмпирических исследований и ограничения, которые накладываются на теоретический анализ происходящего с учетом доминирования идеологических и юридических предубеждений. Указывается на целесообразность повышения статуса деятельности социологов в зонах военных конфликтов, а также регионах, пострадавших от техногенных или природных катастроф, в том числе посредством расширения их защищенности через механизмы международного права.

Ключевые слова: Донбасс • Украина • социологическое исследование • экстремальная социология • социальная атмосфера • безопасность • идеология

DOI: 10.31857/S013216250005800-3

Впервые у автора при обосновании актуальности темы публикации основным и искренним желанием выступает мечта, чтобы к моменту возможного выхода статьи она перестала быть сколь-нибудь значимой, так и оставшись срезом трагического, но уже фантомного прошлого. В силу сложившихся обстоятельств автору приходится пребывать в условиях, когда многое из дальнейшего изложения происходило на его глазах, выступало и продолжает выступать частью чисто человеческих и профессиональных переживаний, оценок и анализа.

Если же несколько предметно упорядочить аргументы в пользу значимости заявленной темы, то важность разработок на данном направлении, прежде всего, обуславливается: а) высоким общественным резонансом результатов социологических исследований, особой идеолого-пропагандистской насыщенностью вплоть до ощутимых политических последствий в зонах военных конфликтов и не только в них; б) значительным вниманием со стороны внутриполитических управленческих групп, а также центров и организаций, представляющих интересы внешних субъектов влияния. Да и в целом, непосредственно возможность осуществления количественно-качественных исследований в зоне военных действий до сих пор – лишь активно прорабатываемая и нарабатываемая практика. Опыт Донбасса здесь более чем значим. Хотя еще раз подчеркну – очень хочется, чтобы больше он нигде не был востребован.

Впрочем, ряд проблем, сложностей и условностей, которые обозначены далее, имеют прямое отношение и к «мирной» социологии. О них также иногда говорят специалисты, возможно, с поправкой на более лояльные условия проведения опросов.

Целью статьи выступает обобщение (на примере Донбасса) основных проблемных аспектов, ограничивающих, а в ряде случаев и искажающих точность эмпирической информации, получаемой традиционными количественно-качественными методами в зонах вооруженного противостояния, а также оказывающих негативное влияние на теоретическую составляющую анализа происходящего.

Сложность «отраслевого самоопределения» социологии. Естественно, первоначально исследования в отношении событий на Донбассе необходимо попытаться привязать к какой-то части социологического знания. Вряд ли целесообразно называть это «военной социологией» [Образцов, 2014]. Ведь речь не идет об опросах исключительно и даже преимущественно военнослужащих. Напротив, мнение последних меньше всего интересует социологов в зоне военного конфликта на Донбассе. Поэтому и в чистом виде наработки из знаменитого «Американского солдата» [Stouffer et al., 1949] здесь вряд ли уместны. Другое дело, что, как указывал Г. Батыгин, ряд выводов общеметодологического плана из данной работы продолжает сохранять актуальность. Например, когда он задается вопросом о том «как соотносятся индивидуальные, реляционные и интегративные описания?» [Батыгин, 2008: 128]. При этом, безусловно, интересы заказчиков, потребителей социологической информации из числа заинтересованных групп населения четко увязываются с военной тематикой: отношение к войне, к различным сторонам конфликта, причинам войны, возможным сценариям разрешения вооруженного противостояния. И в фокусе внимания, повторимся, мнение мирных граждан, попавших в трагический во-воротот военно-политического катаклизма. В расширительном значении можно отнести происходящее на Донбассе и к «социологии повседневности», и тем более сделать его одной из составляющих «социологии жизни». Последняя, на что указывает Ж. Тощенко, «оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут» [Тощенко, 2015: 115]. С. Хайкин называет социологические исследования в зонах военных конфликтов «экстремальной социологией» [Экстремальная социология..., 2004]. Такое определение кажется достаточно содержательным. Однако, как и любое обобщенное название, оно неспособно в полной мере предметно охарактеризовать, например, область «экстремальности». В свое время советские (прежде всего, украинские) социологи исследовали последствия аварии на ЧАЭС непосредственно на месте экологической катастрофы. И это была «экстремальная социология», не включавшая, однако, работу в зоне военных действий [Ворона и др., 1996].

Деятельность исследователей на Донбассе в принципе можно отнести к экстремальной социологии, дополнив этот шаг четкой констатацией, что основной частью данных экстремальных условий выступают реальные, а чаще потенциально возможные военные действия. Ведь очевидно, что после активной фазы боевых сражений, массированных бомбардировок, обстрелов с использованием фронтовой авиации и систем залпового огня уже несколько лет (во всяком случае, на момент подготовки данного материала) непосредственно война наличествует в вялотекущем режиме, затрагивая в значительной мере ряд прифронтовых территорий. Другое дело, что действительно существует колоссальная степень тревоги, загнанного вглубь страха, особенно у переживших обстрелы, что война может возобновиться с прежней или большей силой. Наличие и необходимость соблюдения того же комендантского часа – наиболее отчетливый индикатор перманентного существования потенциальной опасности военно-диверсионного характера.

Об особенном в типичном применительно к вооруженному противостоянию на Донбассе. Первоначально акцентирую внимание на ряде особенностей ситуации на Донбассе в результате военных действий, развернувшихся с апреля 2014 г. Это важно в первую очередь из-за доминирования в информационном пространстве не всегда корректных

параллелей и ассоциаций с Приднестровьем, Абхазией, Южной Осетией, а периодически с Чечней. Нередко данные параллели переключаются в научную среду. Отмечу еще раз: непредвзятые или малопредвзятые наблюдатели полагают, что конфликт на Донбассе и тем более сложившееся в настоящий момент гражданско-территориальное разделение Донецкой и Луганской областей не имеют под собой каких-либо антагонистических расовых, межплеменных, этнокультурных, национальных, религиозных подоплек и оснований, характерных для целого ряда иных конфликтов в различных странах, в том числе государствах на территории бывшего Советского Союза. Имеет место своеобразная политехнологическая «искусственность искусственности», опирающаяся в то же время на вполне ощутимые различия в трактовке исторических фактов и геополитических векторов симпатий и антипатий.

Разница в идентификации участников конфликта преимущественно культурно-геостратегическая: или «поворот голов» на Москву (Брюссель, Вашингтон), либо от Москвы (Брюсселя, Вашингтона) с обычной существенной подоплекой, связанной с разделом собственности в зависимости от победы тех или иных центров силы и немаловажной опорой при самоопределении на необходимость сохранения льготных статусов и финансовых прерогатив вкупе со стремлением обеспечить личную безопасность. Последнее в большей степени относится к тем, кто мигрировал в глубь территории Украины или РФ, поскольку, например, уровень опасности пребывания в Луганске и Северодонцке во многом однопорядковый. Ведь, как хорошо известно, по установленным правовым нормам все активное трудовое население, оставшееся на неподконтрольной Киеву территории, будучи украинскими гражданами, перешли в категорию, как минимум, людей, занимающихся незаконной деятельностью, не говоря уже об эпитетах, несущих серьезные юридические последствия: «коллаборанты», «сепаратисты» и т.п. Для Российской Федерации жители самопровозглашенных республик также, до момента принятия решения о выдаче российских паспортов, были гражданами Украины, обладавшими соответствующим статусу иностранца ограниченным перечнем прав, правда с легализацией ряда документов, выдаваемых в ОРДЛО (отдельные районы Луганской и Донецкой областей – так по правовым канонам согласно минским соглашениям для РФ определен статус территорий ДНР и ЛНР).

С момента начала конфликта фиксируется, что в зоне активной фазы войны на Донбассе звучит русская и украинская речь, люди молятся в храмах, принадлежащих преимущественно УПЦ МП – Украинская православная церковь Московского патриархата. Но если в этом можно найти некие параллели с православными церквями Молдовы и Приднестровья, Грузии и Абхазии, то уж точно ни Чечня, ни Приднестровье, ни Абхазия с Южной Осетией не имели в зоне конфликта несколько миллионов жителей. Территориально и демографически боевые действия охватывают колоссальный по меркам современной постсоветской истории регион, включающий крупные города, в том числе миллионный Донецк.

Ситуация достаточно уникальна и тем, что по обе стороны линии разграничения параллельно функционируют автономные социологические институты, проводящие опросы населения. Автору неизвестна практика существования социологических служб у некогда воевавшей с федеральным центром Чечни, осуществлявших хотя бы подобие социологических исследований на территории, неконтролируемой российской властью. Скорее это напоминает автономную работу исследовательских структур Тбилиси и Сухуми с поправкой опять-таки на большие территориальные и общегражданские масштабы разделенного Донбасса. В настоящий момент украинские социологи не имеют открытого доступа для проведения опросов в ЛНР и ДНР, равно как и социологи самопровозглашенных республик не ведут свою деятельность на территории Украины.

О социальной атмосфере в зоне военного конфликта. Переходя непосредственно к заявленной теме, значимо охарактеризую проблемные моменты общего порядка. Прежде всего речь идет о специфике и известных сложностях социальной ситуации с ее кризисным и определенного рода депрессивным фоном жизнедеятельности, в котором выделяются:

- общая подспудная погруженность социальных отношений в атмосферу вялотекущей войны (новостная тематика СМИ, элементы бытового общения, внутренние тревожные ожидания и т.д.);

- социально-политическая, финансово-экономическая и личная неопределенность, включая постоянную потенциальную угрозу физического уничтожения (города, поселка, дома, персоны);

- практика составления представителями конфликтующих сторон многочисленных «списков» посредством документальной фиксации идеологических, политических и иных позиций оппонентов, в том числе с задействованием передовых информационных технологий, с последующим использованием в культивировании своеобразной «вендетты». Широкое афиширование угроз осуществления такого рода действий и непосредственное их применение (в частности, на пунктах перехода) создают особый миропорядок и мироощущение.

Заслуживает внимания наличие в общественном сознании существенного диссонанса между длительное время культивировавшимися – особо этот фактор значим для старших возрастных групп – представлениями о классической войне и реалиями военно-гражданского конфликта, в котором отсутствуют официальная атрибутика объявления войны, и, напротив, не прекращается полемика о признании боевых действий в качестве войны как таковой. Идеологическое пространство вокруг определений происходящего простирается в границах от гражданского вооруженного противостояния до «большой межгосударственной войны». При этом после заключения Минска-2 каждая из противоборствующих сторон старается подчеркнуто амбициозно (за исключением нескольких локальных периодов, например, с теми же «жабыми прыжками» от Вооруженных сил Украины – ВСУ) не заявлять о своей инициативе в открытии огня, тем более ведении масштабных наступательных действий.

Происходящее (во всяком случае с весны 2015 по весну 2019 г.) на линии фронта, которую также называют то «линией разграничения», то «линией размежевания», то «линией соприкосновения», даже нельзя считать замороженным конфликтом. В лучшем случае – немного «подмороженным», вялотекущим, однако уносящим человеческие жизни, включая жертвы среди гражданского населения.

Опускаю анализ понятийно-категориальных характеристик происходящего, хотя бы потому, что сами трактовки подпадают под ряд исследовательских программ, в ходе которых в том числе формулируются задачи выяснить, как общественное мнение квалифицирует трагические события. В данном случае важно, что наличествует предмет изучения, тем самым подчеркивая идеологические и фактические споры вокруг происходящего на Донбассе. Напомню: Киевом война продолжительное время официально считалась АТО (антитеррористической операцией), затем – ООС (операцией объединенных сил), легализовав непосредственное участие армии в зоне боевых действий на территории собственного государства. Возвращаясь непосредственно к социальным составляющим обстановки на Донбассе, важно отметить следующее:

- сохранение мирной атрибутики жизнедеятельности в населенных пунктах, расположенных в том числе непосредственно на «линии фронта» («линии разграничения» и проч.);

- непосредственное и опосредованное активное взаимодействие сторон вооруженного конфликта между собой (взаимопосещения, мобильная связь, интернет-коммуникация);

- специфической чертой украинского конфликта выступает так называемый «пенсионный туризм», – значительное число пенсионеров из неподконтрольных Киеву территорий вынуждены постоянно пересекать ради получения пенсии линию разграничения – обналичивая денежные средства. Для полной картины необходимо заметить, что часть пенсионеров, мигрировавших из ЛНР и ДНР, стараются минимум раз в два месяца попадать на неподконтрольную территорию, чтобы получать пенсии по прежнему месту жительства. Как бы то ни было, война, таким образом, нередко выступает лишь «удаленным» фоном и может активно не доминировать в повседневности.

Вышеуказанное важно помнить для более отчетливого представления об общей атмосфере и условиях, в которых приходится работать социологам, пытающимся собрать информацию по обе стороны конфликта.

Сложности составления выборки и осуществления полевого этапа. Характеризуя ограничения в деятельности социологических служб, акцентирую внимание на том, что: а) в профессиональном плане в исследовательских целях и задачах преобладают оперативные, ситуативные горизонты, связанные, прежде всего, с социально-политической проблематикой, оценкой деятельности СМИ, диагностикой социального самочувствия населения, и б) в организационном плане особое значение приобретает необходимость согласования мероприятий по проведению опросов, иногда и исследовательского инструментария с соответствующими местными органами власти, спецслужбами, военными комендатурами, в ряде случаев на определенных стадиях войны со структурами, обладающими реальными контролирующими функциями в тех или иных населенных пунктах.

Безусловно, особые вполне понятные сложности возникают при составлении репрезентативной выборки.

1. Отсутствие добротной статистической информации в результате массовых миграций и эмиграции граждан из зон боевых действий. Хорошо известен факт: первоначально едва ли не единственным отчетливым и условно эмпирически корректным показателем увеличения численности населения в том же г. Луганске, равно как и в других населенных пунктах, после снижения интенсивности боев и восстановления электро- и водоснабжения выступал объем ежедневной продажи хлеба. Уместно напомнить, что вообще последняя всеукраинская перепись осуществлялась в 2001 г., к тому же будучи отнюдь безупречной по точности показателей.

2. Актуализация возможности сознательного вуалирования и даже искажения соответствующими органами и службами реальных статистических данных.

3. Постоянная, после снижения интенсивности боевых действий, активная и слабо фиксируемая миграция населения. Выше упоминалось, что для войны в Донбассе характерен «пенсионный туризм». Часть жителей неконтролируемых Киевом территорий специально регистрируются в украинских населенных пунктах, чтобы получить право на начисление пенсии, хотя фактически там не проживают. При этом украинские органы власти стараются пунктуально контролировать только переселенцев, получающих социальную помощь, например, на аренду жилья. Помимо «пенсионного туризма» существуют «образовательные» миграции. Пусть и в гораздо меньших масштабах по сравнению с пенсионерами, но тем не менее определенное число студентов одновременно обучаются и в украинских вузах, и вузах самопровозглашенных республик. Имеет место «медицинский туризм». Причем опять-таки в обе стороны. Таким образом, участники «туристических» миграций потенциально попадают под опросные процедуры с двух сторон конфликта.

4. Дефицит и соответственно недоступность для опросов ряда социально-демографических категорий граждан. Эта проблема ощущалась и до войны, но сегодня в силу экстремальных обстоятельств стала еще более острой.

5. Наличие на «прифронтовых» территориях значительного количества военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, которым на правовой основе предписано не отвечать на вопросы представителей социологических служб.

Естественно, особо необходимо выделить сложности, возникающие непосредственно при осуществлении полевого этапа исследования. В первую очередь, конечно же, высокая степень опасности работы сотрудников социологических служб, задействованных в опросах. Поэтому на первый план выходит необходимость проработки, тщательного планирования, подготовки и обеспечения охранных мероприятий с соответствующим тщательным инструктажем бригадиров и интервьюеров. Заметим, что проведение телефонных опросов в потенциальной зоне боевых действий абсолютно неэффективно, прежде всего, из-за низкого в целом ряде мест качества связи, отсутствия анонимности

телефонных разговоров, а для украинской стороны еще и по причине недоступности массового выхода на внутренних мобильных операторов ДНР («Феникс») и ЛНР («Лугаком»).

Следующие по сложности проблемные аспекты связаны с в общем-то привычными задачами по налаживанию конструктивной коммуникации с респондентами, но в «экстремальных» ситуациях. Обратим внимание на:

- повышенный психоэмоциональный фон общения;
- доминирование радикальных (особенно на внешне эмоциональном уровне) оценок и характеристик;
- возрастание категоричности высказываний при одновременном повышении уровня подозрительности;
- атмосфера раздраженности процедурами и действиями, лежащими вне контекста актуальных проблем и переживаний, задаваемых обыденной жизнью, в условиях постоянной угрозы локальных/полномасштабных военных действий;
- опасения многих респондентов за личную безопасность и безопасность близких по итогам интервьюирования, а также беспокойство за возможные последствия в случае планов перехода на сопредельные территории («пенсионный туризм», посещение родственников, мест захоронения близких, деловые и туристические поездки). О значении «списков» уже говорилось. При этом, поскольку родственные связи и процессы прочей коммуникации войной не прерваны, многие опасаются возникновения сложностей в пунктах пересечения и повышенного внимания спецслужб;
- отождествление интервьюеров с органами власти и безопасности, а иногда и с представителями «враждебной стороны». Типичное и для обыденных условий данное известное явление гиперболизируется в реалиях активных, вялотекущих или же потенциально возможных военных действий;
- раздраженная реакция непосредственно на «опросную атрибутику» (планшеты, анкеты, опечатанные на качественной белой (!) бумаге), задействованный для работы интервьюеров и бригадиров автотранспорт и проч.

Социологические опросы – атрибуты нормальной жизни. Поэтому, с одной стороны, они вступают в резонанс с напряженной обстановкой военных будней. Однако, с другой, служат проявлением именно того, что «жизнь налаживается», ее привычные формы возвращаются.

В любом случае вышеуказанные сложности суммируются, и, как следствие, имеет место существенный процент отказов от общения с интервьюерами; значительное число попыток «подстройки» под официально диктуемые и одобряемые трактовки ситуаций, оценки деятельности персоналий, властных институций, и, соответственно, опасность увеличения доли неточных и заведомо ложных ответов. Тем более, например, в начале боевых действий ряд украинских политических представителей открыто заявляли о целесообразности посредством опросов выявлять латентных «сепаратистов». Автору известны случаи, когда студентов, обучающихся параллельно в украинском вузе и вузе ЛНР, опрашивали непосредственно в очереди на пункте пропуска с украинской стороны, пытаясь выяснить отношение к учебе в самопровозглашенной республике. Понятны переживания респондентов и степень искренности в столь «комфортных» и более чем «конфиденциальных» для интервью условиях.

Теоретизирование в тисках идеологических и правовых предубеждений. К известным проблемным моментам на этапе сбора эмпирической информации добавляются сложности теоретического обобщения результатов прикладных исследований, связанных с военными действиями. О них принято говорить меньше всего. Но конфликт на Донбассе для разделенного социологического сообщества Украины демонстрирует серьезность ограничений, накладываемых войной на теоретико-методологическую концептуализацию происходящего. Отметим две принципиальные наиболее отчетливые уязвимости. Во-первых, кристаллизация табуированных исследовательских тем и как результат: актуализация, если не прямой, то косвенной цензуры и самоцензуры. Во-вторых, включение идеологической компоненты в профессиональную деятельность и ее возможное влияние на окончательные выводы.

Практически имеет место запрет на научное обсуждение, авторскую коннотацию и интерпретацию ряда определений (в частности, в украинской политической реальности, на термин «гражданская война»). На этой почве предпринимались попытки давления на издания, не принявшие во внимание административные установки. В частности, авторитетный украинский социологический журнал «Социология: теория, методы, маркетинг» попал под официальную критику прежнего министра образования за публикацию, в которой аккуратно было высказано единичное суждение, ставившее под сомнение праведность военной операции на Донбассе. Заступаться за журнал пришлось Ученому совету Института социологии НАН Украины и САУ (Социологической ассоциации Украины) [По поводу публичной..., 2015]. Наглядными примерами можно считать развернувшуюся в последний день перед украинскими президентскими выборами пропагандистскую сшибку вокруг термина «повстанцы» применительно к самопровозглашенным республикам и проверку, организованную в конце апреля 2019 г. службой безопасности, в отношении Киевского международного института социологии (КМИС) за возможный «сепаратизм» в формулировках вариантов ответов к вопросу о самоопределении Галичины по итогам президентской избирательной кампании. Понятно, что научные круги по разные стороны конфликта ограничены условностями ситуации и должны быть максимально аккуратны при выборе понятийного аппарата в описательной и прикладной части исследований. Даже известный лингвистический спор о том, как правильно писать и произносить «в Украине» или «на Украине», – переведен в плоскость жесткого идейно-политического, если не сказать геополитического позиционирования. Как представляется, и для российских научных журналов требуется определенного рода академическое мужество в допуске статей, где упоминаются аббревиатуры ДНР и ЛНР. Конечно, политизация и идеологизация трактовок общественных процессов всегда имеет место. Но война накладывает запреты, в том числе на сомнения в правильности официальных формулировок.

В результате давления агрессивной юридически-идеологической среды при подготовке исследовательских программ, опросного инструментария и теоретических выводов начинают превалировать соображения личной безопасности, стремление к сохранению должностных статусов, в том числе нередко в ущерб научной непредвзятости.

Кроме того, гуманитарным наукам и, прежде всего социологии, выпадает типичная для военных и поствоенных ситуаций тяжкое бремя рационального осмысления происходящего в условиях, когда по очевидным причинам становится в очередной раз отчетливо видна несопрягаемость отдельных теоретических постулатов общеконцептуального гуманистического характера с жесткостью и жестокостью повседневности. Другое дело, что исследования в условиях «экстремальных ситуаций», включая, кстати говоря, упоминавшуюся катастрофу на ЧАЭС, демонстрируют парадокс: фокусировка аналитического внимания и теоретических разработок на узких проблемах сочетается со стремлением к более глобальным уровням теоретизирования, поиску причин и оценке последствий происходящего в общецивилизационных масштабах.

Ученые вне правового поля. Для исследователей и ученых, представляющих «нелегитимную» или «частично легитимную» сторону военного конфликта, дополнительной препоной к эффективному осуществлению теоретической деятельности выступает дистанцированность от научных центров по причине попадания в категории людей, обладающих неопределенными, маргинализированными и даже уголовно наказуемыми статусами («сепаратист», «комбатант», «изменник родины», «террорист»). Учебные заведения и научные организации самопровозглашенных республик с позиции Украины и ее союзников находятся, как минимум, вне рамок правового поля. Украинскому научному сообществу практически запрещено публиковать работы вчерашних коллег, оставшихся на неподконтрольных Киеву территориях, в профессиональных журналах, сборниках и коллективных монографиях. Многие учебные заведения, дабы не рисковать, вывели их из составов редколлегий научных изданий и специализированных советов. Для научных кругов других стран также возникает нелегкий выбор: как в соответствии с международным правом

фиксировать статус ученых из непризнанных государств и вообще поддерживать ли с ними официально афишируемые связи. Таким образом, над научным сообществом самопровозглашенных республик довлеет ощущение определенного рода интеллектуального и фактического изгойства.

Выводы. Рассмотрение вопросов о сложностях сбора эмпирической информации и осуществления теоретических обобщений результатов прикладных социологических исследований в условиях военных конфликтов достигает предельного уровня проблемности. Поскольку, если человечество продолжит реализовывать конфликтную модель развития, – потребность в профессионалах, готовых эффективно действовать в экстремальных условиях на территории вооруженного противоборства, техногенных и природных катастроф, не уменьшится, если не сказать – «будет возрастать». В таком случае требуется самый тщательный разбор и обобщение опыта подобной деятельности. Кроме того, придется актуализировать особую вузовскую подготовку «социологов-экстремалов» (при подготовке журналистов это уже делается), не уступающих по квалификации профессионалам МЧС, способных работать наравне с психологами и иными специалистами социального блока, оказывающими помощь мирным гражданам.

Целесообразно подумать о необходимости разработки норм международного права, позволяющих социологам претендовать на представительские прерогативы. Речь идет как о повышении престижа работы социологов в зонах конфликтов (не только военных) и в иных экстремальных условиях, так и о хотя бы минимальной правовой защищенности такого рода деятельности. В настоящее время социологи не имеют статуса даже приблизительно похожего, например, на статус журналистов, не говоря уже о сотрудниках Красного Креста, ОБСЕ или миротворцах ООН. В этом видится наличие некой дискриминации. Ведь очевидно, что наша профессиональная деятельность не менее необходимая часть нормализации социальных отношений, а оперативный мониторинг общественного мнения имеет первостепенную значимость для налаживания широкоформатного диалога сторон военного и иного противостояния.

В заключение вернемся к пожеланию, высказанному в начале статьи: пусть вышеизложенное станет исторической констатацией, а экстремальная социология в виду отсутствия насущной необходимости не институционализируется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учеб. 2-е изд. М.: РУДН, 2008.
- Образцов И.В. Процесс институционализации военной социологии в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 135–145.
- По поводу публичной дискуссии вокруг публикации материалов круглого стола «Луганск: горячее лето 2014 года» и письма министра образования и науки С.М. Квита Президенту НАН Украины Б.Е. Патону. Комментарий редколлегии // Социология: теория, методы, маркетинг. 2015. № 4. С. 214–216.
- Соціальні наслідки чорнобильської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986–1995 рр.) / Відп. ред.: В. Ворона, Е. Головаха, Ю. Саєнко. Харків: Фолю, 1996.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.
- «Экстремальная социология». Беседа с С.П. Хайкиным // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 1(69). С. 46–49.
- Stouffer S.A., Suchman E.A. (eds) *The American Soldier: Adjustment during Army Life. (Studies in Social Psychology in World War II)*. Oxford, UK: Princeton Univ. Press, 1949.

Статья поступила: 06.05.19. Принята к публикации: 13.05.19.

SOCIOLOGIST IN CONTEXT OF ARMED CONFLICT IN DONBASS

YAKOVENKO A.V.

Vladimir Dahl Lugansk National University

Andrei V. YAKOVENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Sociology, Lugansk National University named after Vladimir Dahl, Lugansk (daoav@rambler.ru).

Abstract. Preservation, and in some cases expansion, of armed conflict zones in the world in general and in the post-Soviet territory in particular, confirms relevance of a thorough analysis of the possibilities to conduct qualified sociological research in military confrontation areas. The article provides a summary of a number of the most typical difficulties arising in the preparation of a sample set, establishing a constructive frank dialogue with the respondents. The situation in Donbas, so author, has precedence, both in terms of its vast territory of the conflict, and in the number of people living in the social atmosphere of the war. Special attention is paid to the problem of an unbiased assessment of what is happening. There are pressures on the correctness of academic analysis and research findings, ideologically rich environment, as well as the feasibility of legal responsibility for the use of taboo terms in scholarly texts. Author argues for importance of specialized training of sociologists to work in extreme conditions. It is proposed to intensify initiatives to specify legal base, primarily in terms of international law to ensure the status of sociologists' activities in zones of military conflicts, as well as areas of man-made and natural disasters. Sociological research should be considered one of the procedures to normalize social relations and establish civilized dialogue.

Keywords: sociological research, extreme sociology, social atmosphere, security, ideology, theorizing.

REFERENCES

- Batygin G.S. (2008) *Lectures on the Methodology of Sociological Research: A textbook*. 2nd ed. Moscow: RUDN. (In Russ.)
- Interview with S.R. Khaykin. (2004) «Extreme Sociology». *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1(69): 46–49. (In Russ.)
- Obraztsov I.V. (2014) The Process of Institutionalization of Military Sociology in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 135–145. (In Russ.)
- Regarding Public Discussion around the Publication of the Round Table Materials «Lugansk: Hot Summer 2014» and Letters from the Minister of Education and Science Kvit S.M. to the President of the National Academy of Sciences of Ukraine Paton B.E. Editorial Board Commentary. (2015) *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: Theory, Methods, Marketing]. No. 4: 214–216. (In Russ.)
- Social Consequences of the Chernobyl Disaster (Results of 1986–1995 Sociological Studies)*. (1996) Respons. ed. by V. Vorona, E. Golovakha, Yu. Saenko. Kharkiv: Folio. (In Ukr.)
- Stouffer S.A., Suchman E.A. (eds) (1949) *The American Soldier: Adjustment during Army Life (Studies in Social Psychology in World War II)*. Oxford, UK: Princeton Univ. Press.
- Toschenko Zh.T. (2015) Sociology of Life as a Theoretical Concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 106–116. (In Russ.)

Received: 06.05.19. Accepted: 13.05.19.